

Понятия «Душа» и «Сердце» в концептосфере русского и удмуртского языкового видения мира (на материале поэзии)

Одним из способов адекватной интерпретации национального видения мира выступает анализ концептосферы языка. В концепте (как явлении высокого уровня абстракции) устанавливается уровень коррекции языковой и культурной темы. Ю.С. Степанов определяет *концепт* как сгусток культуры в сознании человека [6: 41]. Концепт в силу своей экзистенциальности и абстрактности является составляющим элементом концептуальной картины мира, однако его потенциальные валентности получают различные вербальные репрезентации в разных языках.

Ниже на основе выстраивания смысловых и формальных соответствий / несоответствий концептов «душа» и «сердце» проследим сходство и расхождения в концептосфере русской и удмуртской культур.

Неоднократно исследователями отмечалось, что в русском узусе сочетание «русская душа» представлена как некий национально-специфический «орган», раскрывающий национальный характер. В исследовании В.С. Баевского, И.В. Романовой и Т.Л. Самойловой по исчислению частотности лексем в поэтических текстах слова «душа», «сердце», «ночь» определяются наиболее поэтичными. Так, среди 35-ти частотных поэтических словарей обнаруживается, что лексема «душа» обладает наибольшей употребляемостью [1: 79–80]. Общепозитичность концепта *душа* характерна, прежде всего, для романтиков (лирика К. Рылеева, М. Лермонтова, Е. Баратынского, К. Бальмонта, З. Гиппиус, А. Фета, Ф. Тютчева и т.д.). По их определению, романтизм подробно отражает душевное состояние авторов и героев произведений [1].

В удмуртском же узусе (в данном случае представленном примерами из устного народного творчества и авторской словесности) лексема «сюлэм» (сердце) доминирует над лексемой «лул» (душа). Так, в отобранных для анализа 60-ти лирически-песенных текстах из сборника «Вай кырзалом, эшгъёс!» нами было выделено 50 случаев словоупотребления лексемы «сюлэм» и ни одного – со словом душа [2].

Дистрибуция лексем «лул» носит, скорее, связанный характер, поскольку зачастую употребляется в стандартных фразеосочетаниях типа: «одиг лул но ёвёл» (нет ни души), «лулдэ жалятэк» (не жалея себя, *досл.* души), «лул воштыны» (поменять душу), «лул вылаз сылыны» (стоять над душой), «лул потэ» (душа исходит), «лулэз кыскыны / сюпсыны» (тянуть за душу), «лулэз сётыны» (отдать душу / жизнь), «лул бырытозь» (до скончания жизни / *досл.* души).

Чтобы адекватно рассмотреть различия в словоупотреблении двух языковых систем – русской и удмуртской, обратимся к сходным речевым ситуациям, используя художественные произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, М. Цветаевой и их переводы в интерпретации признанных удмуртских поэтов: Г. Сабитова, А. Лужанина, М. Петрова, С. Матвеева, В. Будина и др. Обратимся также к оригинальным произведениям удмуртских поэтесс Ашалчи Оки и О. Ведровой. В этой связи нас будут интересовать метафорические сочетания со словами *душа/лул* и *сердце/сюлэм*.

Так, в поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» наблюдаем девять словоупотреблений лексемы «душа». Переводчиком Г. Сабитовым в четырех случаях слово «душа» заменена лексемой «сюлэм», в трех – лексемой «лул», по одному разу *душа* переводится как «улон» (жизнь) и «мылкыд» (настроение). Данные трансформации наталкивают на мысль о различном представлении и понимании русскими и удмуртами концептов «душа» и «сюлэм». В ходе наблюдения над лексико-семантической сочетаемостью данных лексем в двух языках мы выявили следующие различия:

1. В русском языке лексемы «душа» и «сердце» образуют синонимические ряды [7: 86–92]. В удмуртском языке синонимическая пара не образуется, так как дистрибуция четко разграничена (ср.: *душа / сердце* *ликует, радуется, протестует, ожесточается – сюлэм шумпотэ, возпонтэ, куректэ, ббрдэ*).

2. Выделенные лексемы образуют несколько коннотативных образов. В русском узусе *душа* и *сердце* ассоциируются с некоторым хранилищем,местилищем чувств (ср. *душа пуста, полна, в глубине души*). Душа связана также с идеей зарождения, рождения: *в душе зародилось, росло*. Но в русской языковой картине мира употребимы и такие сочетания, как *в глубине сердца, сердце переполнено, в сердце родилось, росло*.

В удмуртской культуре концепт *сюлэм* (сердце), но не *лул* (душа) представляются средоточием чувств и связанных с ним желаний. Ср.: «*А душу можно ль рассказать?*» (М. Лермонтов) – «*Усьтод-а нош сюлэм пуштэ?*» (пер. А. Лужанина: Откроешь ли глубину сердца?). Данная коннотация характерна и для русского представления сердца. Ср.: *Его сердце было переполнено чувством страха (злости, любви, ненависти и т.д.)*. В этом значении русское *сердце* и удмуртское *сюлэм* эквивалентны друг другу и не подвергаются трансформациям как в речи, так и в текстах.

Лексема *душа* (но не *сердце*) в значении «внутреннего эмоционального состояния» [7: 88] входят в сочетания типа: «*свет души моей*», «*свет в душе*», «*душа-темница*», «*чужая душа – потемки*», в которых степень эмоционального состояния выражается в светоносной интенсивности. В удмуртском языке для экспликации подобного состояния используются сочетания с лексемой «сюлэм». Ср.: «*Душа моя мрачна*» (М. Лермонтов) – «*Мынам сюлэмам секыт*» (пер. М. Петрова: На сердце тяжело). Подобные сочетания характерны и для русского языка: *легко / тяжело на душе / сердце = сюлэмам капчи / секыт*; «*И было сердцу моему легко, / Не знаю почему...*»

(М. Лермонтов) – «*Качи луиз сюлэмелы. / Уг тодиськы ачим, малы*» (пер. А. Лужанина: Легко стало моему сердцу. / Не знаю сам, почему). Лишь в одном удмуртском идиоматическом выражении лексема «лул» представлена в цветовой гамме – «*сьод лул*» (букв. *черная душа* – злой человек). Приведенные примеры показывают, что в русском языковом сознании экспликация изменения эмоционального состояния души выражается мерой веса и световой насыщенностью. Для удмуртской картины мира использование цветовой символики характерно при репрезентации внутреннего свойства, сущности человека (*лул*).

По представлению русских, в *душе* и в *сердце*, а по представлению удмуртов, лишь в *сердце* протекают различные процессы: *закралась в душу / в сердце – сюлмаз каръяскиз урод малпан* (в сердце поселилась дурная мысль). Характерная тенденция прослеживается и во взаимосвязи названных понятий с внутренней речью. Если в русском языке представление о внутренней речи связано с душой, то в удмуртском языке зачастую она исходит из глубины человека, либо из сердца – *ас понна со куриз, каргаз, витиз* (про себя он просил, проклинал, ждал). Следует отметить, что «ас» восходит в общепинно-угорскому *ice/ise «душа, тень; сам, свой», которое сохранилось лишь в значениях «сам / свой» (удм. ас, ачим, асьмеос). Изначальное же значение этого слова современными носителями удмуртского языка забыто [5: 122].

Взаимосвязи удмуртского «сердца» с процессами говорения прослеживаются и в его «песенной возможности». Отсюда распространенным в народно-поэтическом и художественном творчестве является сравнение сердца с гусями: «*Сюлмы бёрдэ, сюлмы кырза, / Кырезь си кадь дырекъя...*» (Ашальчи Оки: Сердце плачет, сердце поет / Словно струна на гусях-крезе трепещет). С деятельностью души в русском узусе связаны интеллектуальные процессы: *в глубине души думал, подзревал, сомневался, был уверен*. Для сравнения, в удмуртском варианте – «про себя» (*ас понназ малтаз, валаз*). Эти мыслительные действия могут также происходить в сердце. Ср.: «*Я цель одну – пройти в родимую страну – имел в душе*» (М. Лермонтов) – «*Шаерам мынон сярьсь ялан малтай...*» (А. Лужанин: Как попасть на <свою> родину, постоянно думал <я>...).

3. В представлении русских – *душа* и *сердце*, а у удмуртов – только *сюлэм* (подобно иным внутренним органам человека) – проявляет склонность к болезням и болезненности: *душа/сердце болит за него – сюлэм вице со понна*. В удмуртском языке также наблюдается иная дистрибуция: «сюлэмез буйгатыны, лиятыны» (сердце успокоить, умиротворить). Собственно, сердце могут успокоить *слова, цветы, песня*: «*Та кыльёсьд сюлэмез буйгатизы*» (Ашальчи Оки: Эти <твои> слова успокоили сердце); «*Чебересь сяськаед / Сюлэмез буйгатэ...*» (Ашальчи Оки: <Твой> красивый цветок / Успокаивает сердце).

4. Для русской картины мира характерно представление о душе / сердце как о некоей оболочке, которая извне получает эмоциональное воздействие: Ср. *терзать, рвать, пронзить душу/сердце – сюлэмез вöсь*

карыны, сюзэме йотыны, сюзэмез вандыны. Однако в удмуртских индивидуально-авторских контекстах, зачастую вследствие авторских маркеров исходного текста, воссоздается картина уязвимости души: «*Но страх не сжал души моей...*» (М. Лермонтов) – «*Но кышканэ лулме оз кыс...*» (пер. А. Лужанина: Но страх не погасил моей души). В отличие от исходного текста, где душа представлена как поддающаяся сжатию оболочка, в удмуртском тексте создан коннотативный образ души–пламени, который можно погасить.

5. В русском языке изменения личности, выраженные сочетаниями *душа черствеет, грубеет, остывает*, скорее, связывают концепт душа с образом хлеба (ср. *сухая, черствая душа – человек без души, черствый хлеб – хлеб без влаги, воды*). В удмуртском представлении концепт *сюзэм* связан с землей, почвой, камнем. Ср.: *сюзэмыз чурит, из сюзэм* (букв. твердое сердце, каменное – о безжалостном либо жадном человеке). Данная ассоциация четко прослеживается в весьма распространенном в художественной литературе эпитете «зырдыт» (горячее, пламенное, раскалённое): «*Куддырья сюзэмыд тыл эгыр кадь зырдыт...*» (Ашалычи Оки: Временами твоё сердце, словно пламенные угли, раскалено).

6. Понятия *душа / сердце – сюзэм* персонифицированы и выражают эмоциональное проявление человека: *душа/сердце радуется, ликует, поет, томится, плачет, рыдает – сюзэм шумпотэ, кырза, курадзе, бёрдэ*. У удмуртов с сердцем, но не с душой связано представление о способности предчувствовать. Ср. *душа / сердце чувствует неладное – сюзэм шёдэ уродзэ*.

7. Сердце, но не душа, по мнению Е.В. Урысон, является органом любовного чувства, поскольку оно представляет природную и стихийную часть внутреннего мира человека [7: 89]. Лексема «сердце» в этом значении входит в некоторые специфические сочетания: *отдать сердце другому, покорить сердце, разбить сердце*. Однако в поэтических контекстах «душа» также выступает средоточием чувств. В удмуртском представлении чувственная сфера человека локализована в сердце: в душе (как жизненной субстанции) не могут происходить эмоциональные и чувственные изменения. В силу данного представления в удмуртских переводных текстах русская «душа» как средоточие любовного чувства заменяется лексемой «сюзэм». Ср.: «*Любовь еще, быть может, / В душе моей угасла не совсем*» (А. Пушкин) – «*Яратонэ / Оло чылкак оз кыс али сюзэмам...*» (пер. В. Будина: Любовь, / Возможно, напрочь не угасла сейчас в <моём> сердце).

Душа какместилище чувств, по представлению русских, локализована в груди. В поэзии зачастую *грудь* как место нахождения души выступает контекстуальным синонимом лексем «душа» и «сердце». Подобная точка зрения не соответствует наивной анатомии удмуртов. *Лул* как чистая субстанция, субстанция жизни, не имеет точного местонахождения в теле человека. Ср. «*Луло-а тон, лултэм-а?*» (Жив ты или не жив?). С другой стороны, четкую локализацию получает чувственная сфера внутреннего мира человека – *сюзэм*. В силу этого «грудь» в значении «местилище души» передается на удмуртский язык лексемой «сюзэм». Ср.: «*Но только не стой*

угрюмо, / Главу опустив на грудь...» (М. Цветаева) – «Жожмыт гинэ эн сылы, – мар тон? / Медаз сюлэмд пыр мбзмон...» (пер.С. Матвеева: Печально только не стой, – что ты? / Пусть в сердце <твое> не вкрадётся тоска). В тех же случаях, когда лексема «грудь» не несет подобного коннотативного значения и выражает свое прямое значение «грудная клетка человека», она выступает эквивалентом удмуртской лексеме «мбля», «гадь».

Таким образом, дистрибуция, а вместе с тем и коннотативные образы русской *души* и *сердца* совпадают с удмуртской лексемой «сюлэм» в сочетаниях, представляющих данные понятия как средоточие чувств, подвергающихся воздействию. В представлении удмуртов *сюлэм*, но не *лул* (душа) является основой и средоточием чувственной сферы внутреннего мира человека, тогда как для русской ментальности таковым является *душа*.

И русскими, и удмуртами душа представляется источником и средоточием внутренней жизни человека. И в таком понимании *душа* синонимична *жизни*. Например: *отдать душу / жизнь* = *лулэз сетыны*; *ни души* (ни одного живого человека) = *одиг лул но өвёл*; а также в удмуртских сочетаниях «*лулдэ жалятэк*» (не жалея жизни), «*лул вылэ вуыны*» (застать в живых).

Опираясь на коллокативные конструкции с соматическим компонентом, о нюансах душевных переживаний русских (активнее, чем удмурты, проявляющих себя в социуме) и удмуртов (интравертов по преобладающему поведению) рассуждает исследователь Т.Р. Зверева, утверждая, что «душа для русских – это некий центр для поступления энергии. У удмуртов же не душа (лул), а живот (кёт) выполняет подобную функцию и оказывается в самом центре организма, куда и собирается и откуда излучается вся психическая энергия человека. Получается так, как будто бы Душа (по представлению удмуртов) «запрыталась» еще дальше, еще глубже, подобно самому народу, который с древних пор предпочитает замкнутый образ жизни, уход в леса, а на уровне Духа – уход в себя...» [4: 232–233].

Представление о душе как невидимом средоточии жизни в человеке восходит к языческим верованиям и русских, и удмуртов. В славянской мифологии *душа* представлена как двойник человека, сопровождающий его на протяжении жизни и покидающий тело во время сна или смерти. В представлении удмуртов «лул» – душа живого человека. Когда *лул* покидает тело человека, наступает смерть, при этом в умершем появляется душа мертвого человека, его двойник «урт», который может превратиться в летучую мышь (*урткыч*) или в ночную бабочку (*урт бубыли*) [3]. Для сравнения, в славянской мифологии душа покидает человека в момент смерти с последним выдохом в виде *ветра*, либо *бабочки*, *мухи*, *птицы*. По верованиям удмуртов, *урт*, душа-двойник, живущая вне человека, обеспечивает психологическое равновесие и полноценность у живых родственников умершего (См. также: пермско-марийское *орт* «сущность предмета, его истинность» восходит к иранскому *art «клятва, истинность, правдивость», ср. др.-перс. Arta «истина, божественная правда») [5: 120–123]. Таким образом, *душа* и *лул* как невидимые

субстанции жизни связывают человека с высшим духовным началом и с миром умерших. (Ср.: «*Пора Творцу вернуть билет*» (М. Цветаева) – «*Вузиз Кылдытисылы / Берыктыны лулэз*» (пер. С. Матвеева: Пришло <время> Творцу / Вернуть <свою> душу). При этом в обеих картинах мира *душа* понимается как действенная субстанция, способная покидать тело: «душа выходит», «душа поднимается к небу» – «лул потэз»; «*Кытчы монэ пыды нуэ?.. / Лулме – чагыр инме...*» (О. Ведрова: Куда меня несут ноги?.. / Душу <мою> – в синее небо). В более поздних представлениях в эпоху христианизации *душа* осознается русскими как *бессмертная*.

В удмуртской языковой картине мира представление о душе связано с дыханием. Например, «*лул пытсаське*» (букв. закрылось дыхание), «*лулэз воштыны*» (перевести дыхание, отдышаться). Данное представление о душе-дыхании восходит к прафинно-угорской форме **lewle* «душа-дыхание» [5: 122]. В русском узусе подобные представления связаны не с душой, а с *духом*, летучей субстанцией, воздухом, который находится благодаря дыханию в груди (*перевести дух, дух захватило*). Лексема «дух» в одном из своих устаревших значений употребляется в значении «воздух» (лесной дух). О несводимости в русском языке понятий *душа* и *дух* пишет Е.В. Урысон: «Дух, в отличие от души, не мыслится органом внутренней жизни человека, не отождествляется с личностью субъекта – менее индивидуален. Дух представляется как частица некоего единого начала, некой единой субстанции внутри конкретного человека. Дух мыслится как нечто конкретно присущее человеку, людям вообще» [7: 89]. Подобное представление *духа* соотносится с удмуртским представлением *души* как нечувственной, чистой субстанции, субстанции *жизни*. Данная мысль подтверждается семантическими сдвигами, когда лексема «дух» в удмуртском тексте заменяется лексемой «лул». Ср.: «*В святом, заоблачном краю / Мой дух найдет тебе приют*» (М. Лермонтов) – «*Пилем съорысь чылкыт инмын / Инты шедьтоз мынам лулы...*» (пер. А. Лужанина: За облаками в чистом небе / место найдёт моя душа). В представлении удмуртов *лул* (душа) не связана ни с физиологической, ни с интеллектуальной, ни с интуитивной (чувственной) сферами человека. *Лул* – некая идеальная субстанция, источник жизни и смерти. Представление о душе как жизни связано с дыханием, так как воздух, дыхание – условие существования человека (*Лулэз лэзиз – испустил дух / дыхание*). Узкая дистрибуция и низкая частотность употребления, по-видимому, выражают сакральность, табуированность концепта, а так же четкое разделение чувственного, стихийного, телесного (*сюлэм*) и неосязаемого (*лул*).

Итак, использование разных концептов при интерпретации сходной ситуации или идентичного объекта действительности является показателем наличия национально-культурного аспекта в языковой картине мира любого этноса. Представленный здесь контекстуально-семантический анализ художественно-метафорических и фразеосемантических явлений из области лингвостилистики удмуртов и русских доказывает, что в отношении понятий *душа* – *сюлэм* русская и удмуртская лингвокультуры характеризуются

доминированием различных мировоззренческих стереотипов, что наглядно представлено расхождениями в художественно-языковой концептосфере каждого из народов.

Литература

1. Баевский В.С., Романова И.В., Самойлова Т.А. Тематические парадигмы русской лирики XIX–XX вв. // Известия АН. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59. № 6. – С 79–80.
2. Вай кырзалом, эшгёс!: Кырзангёс. – Ижевск: Удмуртия, 1993.
3. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов (Опыт реконструкции мировоззрения дореволюционного удмуртского общества). – Ижевск: Удмуртия, 1990.
4. Зверева Т.Р. Почему у русских «душа болит», а у удмуртов «кёт куруктэ»? (к языковой картине русских и удмуртов на примере коллокаций) // Современные социально-политические технологии: сущность, многообразие форм и внедрение: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 4–5 февраля 1999 г. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. – С. 232–234.
5. Напольских В.В. Из удмуртской этимологии: Этимологические этюды // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Сб. статей. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. – С. 116–126.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
7. Урысон Е.В. Душа // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Общ. ред. акад. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 86–92.